

Гончарова Тетяна Опанасівна: «Восемь месяцев в Попас-ной стоял фронт»

ОЛЕНА БАБКИНА

Гончарова Тетяна Опанасівна, 26.07.1926 р.н., м. Горлівка Донецької обл., Україна; викладач французької мови і літератури Горлівського державного Педагогічного інституту іноземних мов, пенсіонерка. Дата проведення: 02.01.2010. Тема інтерв'ю: «Моє життя».

Татьяна Афанасьевна: Я – советский человек, так и запишите (*твёрдо*). Я считаю, что при советской власти всё было правильно. Наша страна первая шла своим путём [1], и потому ошибки были необходимы, их не могло не быть. Я – типичный советский человек, обычный.

Я – из села, сельска дивчина [2], труженица. Папа у меня сельский труженик [3], потом шахтёром немного работал. Потом папу призвали в армию [4], в Харьков. Я уже тогда родилась. Я первая была, любимица, меня баловали, как хотели. (*смеётся*) Мы жили тогда у папиных родителей. Там я прожила 4 года. Папу тогда уговорили остаться в армии – он сначала остался сверхсрочником [5], а потом ему сказали: «Ну, сколько ты будешь старшиной [6], тебе надо расти». И так он остался в армии, и нас с мамой забрал в Харьков [7]. Мне тогда было четыре года. Папа служил в автотомобатальоне [8]. В 1932 году, уже в Харькове, родился брат, Леонид. Жили мы в казарме [9], в полуподвальном помещении, там для семейных давали комнаты. Квартир не было. Соседей помню, Поповы. Она [*жена Попова*] – Лора, одесситка [10], мама с ней очень дружила, а детей у них не было. Она была дочерью француза, моряка, оставшегося в Одессе. Они потом уехали в Одессу, когда он отслужил.

Когда Харьков перестал быть столицей [11], папу перевел в Киев [12]. Мы жили в лесу, так как дом для нас ещё не успели построить. Сосновый лес, я хорошо помню. Солдаты жили в палатках [13], а мы, офицерские семьи, в фанерных домиках. Уже и осень наступила, мы замерзали, нас же двое детей, так мы примусом [14]

обогревались. А отец раз увидел, как с работы пришёл, да как накричал – а вдруг загорится, всё ведь сгорит в одно мгновение. Это уже было глубокой осенью, я точно помню. А потом нас поселили в дом для военных по улице Январского восстания [15] дом номер 3, в районе завода «Арсенал» [16]. Мы получили одну комнату в квартире, во второй жил офицер, несемейный. У нас ещё ниша была; а кухня и ванная были общими... Питались мы тогда нормально, папа в столовой кушал, на нас, иждивенцев [17], паёк [18] получал – хлеб, крупы. Ещё и зарплата была, и мама на рынок ходила, покупала, что надо. Мы, военные, не голодали [19]. Пусть не врут [20], мы жили в Харькове в 1932 – 34 годах. – и голодных не было (*твёрдо*). У мамы тогда ревматизм [21] был, руки болели, тяжело было стирать – и папа сказал – найми женщину, пусть приходит стирать. Дашь ей поесть – и хорошо. И мама наняла. А эта женщина раз попросила ей налить денатурата [22] из примуса... Ой, папа потом долго ругался (*смеётся*).

Так вот мы с 1935 г. жили в доме. Раньше дома строили не так как сейчас – сначала всё, что нужно внутри делали, свет, воду... Вот мы вселились, а леса строительные стояли, ещё облицовку делали. Мы, дети, тогда с рабочими разговаривали. Квартира у нас была №62.

В 1938 г. родился второй брат, Володя, 10 декабря. И тогда нам дали всю квартиру. Там в другой комнате после холостяка жила еврейская семья, а у них все имена на «М», традиция, значит, у них такая. Муж – Миша Крапиник, она – Мария, дочь – Мюда. Мы и спрашиваем, что за имя такое странное. А

они говорят – традиция такая, что все должны носить имена по отцу. Вот потому есть у нас в семье Марк, есть Моисей, есть Майя. Когда у нас девочка родилась – Майя уже была. А проходил тогда Международный Юношеский День [23], вот и получилась Мюда [24].

Когда их, эту еврейскую семью, поселили к нам в квартиру, мы договорились – ну раз уже мы здесь первые поселились – нам – вся кухня, им – вся ванная. И они из ванной сделали кухню. А какая разница – всё равно купались в корыте. А потом нам отдали всю квартиру, а им – другую.

Каждое лето отец ездил на военные ма­нёвры. Они проходили под Киевом, в лесах. Мы к нему часто приезжали... Что ещё помню? Папа приходил после отбоя в части, а мы со старшим братом его всегда ждали. Мы ложились спать, но не засыпали – только дверь открывается – мы вскакиваем. А папа садился на диван и газеты читал – «Правда», «Труд», «Известия» [25], а я садилась с папой рядом, и так и научилась читать. Сама научилась, в школу пошла – уже умела читать. В школу я пошла в 8 лет [26], это была школа №75. *(Пауза. Задумалась)*.

Теперь расскажу, как началась война [27]. Я очень хорошо помню.

Двадцатого июня вечером папа пришёл с работы как обычно, и говорит – собери бельё, всё необходимое – едем на учения, но не в лес, как обычно, а на западную границу [28], едем своим ходом (это же был автотобатальон). А я не спала как обычно. Я всё сидела слушала, и говорю (а мне же было уже 12 лет!): «А я знаю, куда ты едешь – ты на войну едешь!». Вот я почему-то сразу это поняла. Мама сразу, конечно, заплакала, а папа рассмеялся – мол, что ты её слушаешь, она же маленькая, ну что она понимает.

А почему я так сказала? Где-то за два года до войны начались постоянные воздушные тревоги [29]. Всем нужно было забежать в подвалы, все окна заклеивали. С улиц всех людей убирали. Дворники были – в белых фартуках, с бляхами, были первые помощники милиции, всё знали. Вот двор-

ники всех в подвалы загоняли. А мы, дети, подглядываем: самолёты же летали. Вот я и сообразила, наверное, как-то, что война. Не знаю...

Вот теперь про двадцать второе июня. Мой брат Лёня должен был ехать в пионерский лагерь [30] *(вспоминает)*... Мощуны *[через некоторое время исправляется - Звоновое]*. Мама его очень рано разбудила, и они уехали. А я всё сплю, и тут просыпаюсь – по радио говорят: «Граждане, в городе объявлена действительная *(выделяет слово голосом)* военная тревога». А я обратила внимание – действительная – раньше так не говорили, просто военная. И повторяют ещё раз – действительная военная тревога *(акцент на каждом слове)*. А я повернулась на бок – ну, и пусть себе, и дальше сплю. *(отвлекается на телефонный звонок, потом рассказывает о содержании разговора)*

Вот фильм был о стилягах [31], вы, конечно, знаете. Я начала смотреть – ну, как же они показывают наше время. *(Говорит с упрёком)*. Я же всё хорошо помню. Да, были стиляги. Но антипатии к ним такой не было, никто не считал их врагами, общественно опасными. Ну, что вы врётё! И танцы у нас были разные – да, были и духовые вальсы [32], но был и фокстрот [33], и краковяк [34], и полька [35] ... Вот смотрели же фильм, ну, там, где Нестор Иванович учитель [36]. Там показывают, что танцы были разные, подвижные. И платья у нас были всякие, и помады были. Много врут сейчас о нашем времени [37]. Да, было что-то неправильно. Но надо было говорить – и можно было говорить. И я говорила – и ничего. Я вот когда-то приехала на свадьбу к студентке, я уже деканом [38] была, а за столом сидят – из КГБ [39]. Один из них мне говорит – а мы берём к себе ваших студентов. Я ему и отвечаю – что ж вы берёте не тех, кого надо *(с иронией)*. А он сразу понял, о ком я говорю – об одной девушке я говорила – и мне: «Вот вас бы я взял».

А вот ещё был случай. Шло городское собрание партии [40], вы помните, там ещё Ворошилова клевали, Шепилов там ещё присоединился [41] ... И вот из Президиума

говорят – надо всем расписаться – и посылают бумагу по рядам. Все подписывают, а из Президиума наблюдают... Там же сами знаете, кто сидит [42]. Вот доходит очередь и до меня, я рядом с Мариной [*подруга Татьяны Афанасьевны Марина Андреевна, преподаватель латинского языка в ГГПИИЯ*] сидела и говорю ей: «Я подписывать не буду» (*твёрдо, безапелляционно*). И передаю листок. Она тоже: «И я не буду!». А на нас все в ряду смотрят, коллеги из Института, и Президиум. Шепчут – «да что вы, да как вы». А я Марине шепчу: «Интересно, до дома успеем дойти...» (*с усмешкой*). Ведь все видели, все, я знаю. И вот закончилось собрание. Мы с Мариной спокойно уходим. Здесь ко мне подходят из Президиума ... (*респондент попросила не называть в тексте имён*) и говорят – можно мы вам пожмём руку.

Интервьюер: *Насколько я понимаю, на собрании осуждали выступивших против Хрущёва Молотова, Маленкова и Кагановича. Скажите, а почему вы не подписали?*

Татьяна Афанасьевна: Правильно сделали Молотов, Маленков, Каганович [43], они не должны были молчать. Раз Хрущёв [44] был не прав – они должны были высказаться против него. Правильно они делали Хрущёву замечания... Я не любила Хрущёва [45] ... А они были закалённые, преданные [46].

Я тоже никогда не молчала – всё открыто говорила. Вот были случаи – приходили ко мне кэгебисты – они меня потом на одно собрание пригласили, и я их в форме увидела – и просили писать характеристики на студентов, которых хотели пригласить к себе на работу. А я прямо говорила – не рекомендую. Они меня не слушали, и так вот три раза обожглись. Одного послали за границу, а он не смог выполнить порученного задания... А последний случай – он пришёл к ним, ещё неженатый ведь, и сразу спрашивает: «А какая у меня будет зарплата и квартира [47]». Ну, всё понятно... Потом они всегда ко мне прислушивались, и если я кого-то рекомендовала за границу послать – его всегда утверждали. Все наши

спокойно ездили [48]. И не верьте, что нельзя было говорить открыто. Перед тем, как меня послали во Францию, нужно было в Киеве пройти Коллегию министерства. Тогда ведь отбирали, кто может ехать [49]. ... Отвечаю я на вопросы Коллегии, а Корнейчук, замминистра, по-моему, у него ещё брат писатель [50], спрашивает: «А чому Ви не українською мовою на питання відповідаєте? Не володієте? [51]». Вопросы-то он задавал по-украински, и все отвечали. А я говорю: «Я владею украинским языком, но боюсь, что от волнения ошибусь и произведу негативное впечатление». Он рассмеялся, и после этого мне почти не задавали вопросы – я им понравилась. И во Франции – группа была большая, из Украины нас всего двое, но вторая женщина из Киева, а что такое Горловка [52], кто знал? И были, конечно, из Москвы, из Ленинграда [53]. А руководитель группы, очень известная женщина, она сто раз во Франции бывала, много французских фильмов для нашего проката переводила, она сразу меня выделила и сказала – будьте рядом. Когда мы ездили по Франции, я всё записывала, каждый вечер конспекты писала – какие слова новые, что рассказывали. А все остальные смотрю – ничего не делают. Я думаю – наверное, так хорошо знают язык. А потом они ко мне за конспектами ходили.

На чём мы с вами остановились? На том как началась война? Продолжаю.

Значит, я вам сказала, что проснулась от объявления, это было шесть часов утра. Потом я слышала стрельбу, но не обратила внимание. А мама проводила Лёню, возвратилась и говорит: «Таня, ты всё спишь, а там так интересно – там самолёты в небе, стрельба. Нас, как обычно, загоняли в подвалы, а я кричу – у меня автобус, мне ребёнка отвезти надо. Как настоящая война. Даже на доме у нас следы от шрапнели [54]. Но ничего, успели на автобус». Я выбежала во двор посмотреть. А там уже дети собрались. Это ведь было воскресенье, а по воскресеньям в Доме офицеров [55] бесплатно кино показывали, и мы ходили. И тут речь Молотова по громкоговорителю [56]. Мы утихли, сразу как-то

повзрослели. Но в кино пошли. Сидим в зале – и не разговариваем, на фильм не реагируем. Офицеры это заметили и решили другой фильм поставить. «Наш двор» называется. Там показывают, как дети во дворе в футбол гоняют, смешно так... Мы сначала так «гы», потом – уже улыбаемся, а потом уже смеялись. А офицеры смотрели на нас и тоже улыбались – что мы повеселели. Так я запомнила этот фильм, что я его в первый день войны смотрела.

Через десять дней нам сообщили из лагеря, где мой брат был – забирайте всех детей, там же бомбоубежища не было. Их же десять дней держали в лагере, хотя самолёты и летали там – думали: пусть дети отдохнут. Ведь не думали, что так быстро фронт прорвут, так далеко зайдут [57]. Решили детей по домам отправить уже когда рядом с лагерем подбитый немецкий самолёт упал.

6 июля приехал с границы папа. До этого нам говорили из части: «Приготовьте самые необходимые вещи». А за два дня до приезда папы сказали – пакуйте всё, привезли ящики нам, и мы укладывали всё, что было. Папа, когда приехал говорил: «Тут труднее, чем там», потому что там враг перед тобой. А тут неизвестно, что делать. А почему он приехал? Его с какими-то очень ценными документами отправили в штаб [58] в Киев. Он нам и рассказал, что подошли они к границе 22 июня в 2 часа ночи. Им дан был приказ – всем спать, все же были измучены, шли своим ходом. Так и заснули, как были, кто в чём, орудия не расчехлили. И когда началась война, многие раздеты были – бельё сушили, – но отпор дали быстро. А потом папу отправили в Киев. А из Киева эти документы должен был срочно везти в Харьков другой человек. Вот они посоветовались, и нас посадили к нему в машину. Это был крытый грузовик, и нас в кузов посадили 14 человек – наша семья, трое детей, женщина беременная была. На колёсах у него были цепи, так как уже начались дожди, а ехали по бездорожью. Нас предупредили, чтоб сидели тихо, если подъедем к патрулю – так как документы были ценные, секретные, осмат-

ривать машину патруль не имел права, потому в кузов не заглянут. И вот мы дети, как же мы повзрослели сразу, вот моему брату два года было – и он молчал, не пикнул. Так мы добрались до Харькова. В Харькове нас сразу на частные квартиры разместили. Не было никакой паники, ну как это сейчас говорят – не готовы были. Сказали потом – надо ехать дальше. Поезд у нас был до Сталинграда [59]. Но под Сватово [60] наш поезд разбомбили, люди бросились врассыпную, кто в посадку, кто куда, и мы бежали. Поезд дальше не пошёл – рельсы искорёжены были. Мама нашла наш вагон, нашла наши вещи. Помню, у нас был чемодан, у мамы, в руке она несла Володю, у меня был какой-то мешок, у Лёни тоже узелок – все наши вещи. И мы пешком пошли в Попасную [61], к бабушке, маминной маме. Ночевали, где придётся, люди нас кормили. Беженцы... Нам молоко, хлеб выносили, брали на ночлег. Добрались мы до Попасной. Но у нас же направление на Сталинград. В военкомате нам сказали – готовьтесь, как будет возможность – вас отправим. Многие родственники нам говорили: «Куда же вы поедете?», и мама не хотела уезжать, а я ей говорила: «Надо ехать». Мы собрались. Но тут братья заболели, и нас не берут – ехали же в теплушках [62], в закрытых вагонах, туда больных нельзя было. И мы застряли. А потом пришли немцы. Мы жили у бабушки, она вдова ещё с 1916 г., её муж умер от ран после японской войны [63], потому дом у неё недостроенный – пол не постелили, пол остался глиняный. И из мебели – одна большая деревянная кровать, да узкая железная кровать, да стулья, да сундук, это горница, и прихожая – печка, табурет, и пол же глиняный. А немцы искали, у кого дом получше, у кого мебель хорошая есть, к нам зашли, как увидели, что пол глиняный – сразу ушли. Так немцы у нас не жили.

Восемь месяцев в Попасной стоял фронт [64]. Немцы остановились. И восемь месяцев мы были без ничего, нечего было обменять, чтобы покушать. Вот тогда показали лицо родственники, у всех ведь свои дома, огороды, сады. Я как мимо иду, они

сами выходят и говорят: «Нечего тебе дать», а я: «А я ничего у вас и не прошу». Я уже пухла от голода. К нам ещё пришла бабушка, папина мама, из Троицкого, где я родилась, она одна осталась. Говорит: «Хоть выгоняйте, а я не уйду. Буду ходить просить – то и буду есть». И она просила – и детям приносила, что давали. А давали только маленьким. Средний брат тоже ходил с сумой просил, ему давали – он у меня красивый был. А я не просила. Я уже взрослая была. Я приходила и говорила: «Что вам нужно сделать?», и картошку копала, и яблоки рвала, так за работу мне давали что? – картофельные очистки, буряк там... А у бабушки ведь на огороде солончак [65], там всё мелкое растёт, да и немцы всё забрали... Под оккупацией мы прожили с ноября 1941 по 3 сентября 1943. ..

Когда фронт [66] стоял, три улицы выселили. А Донецкая улица, где мы жили, была линией фронта. По ней немецкие патрули ходили, ходить можно было только днём. Потом шёл овраг, а потом – улица Парусовка, и там – часть немцев была, часть – нашим. А возле бабушкиного дома новая школа была – там немцы устроили наблюдательный пункт. Мы с подругой у одного немца попросились: «А можно посмотреть?». И нас взяли. Я как глянула – а там наши бойцы рядышком. А немцы смеются... И вдруг я вижу – мальчик через овраг бежит к нашим. А я же врать не умею – у меня глаза округлились, я думаю: «Хоть бы добежал». Немец и заметил. Оттолкнул меня, увидел мальчика. Стали тогда стрелять, но мальчик добежал. Я так рада была. А потом слышала, как немца этого ругали.

Потом было... Мы с подругой попросились у немца, который жил в доме у соседей, вечером пойти в гости на ту сторону улицы. Нельзя ведь было – патруль ходил. Но нам разрешили. Он говорит: «Будете идти – сами улицу не переходите. Крикните – Пауль, и я проведу». Вот выходим мы, и тут я вижу – кто-то на меня смотрит. Я отошла в сторону, вижу – мужчина стоит. Наш. Разведчик. И показывает мне (*жест молчания*). Я кивнула. Он тогда одними губами спрашивает: «Немцев мно-

го?». Я отвечаю: «Много, и патруль ходит по улице. Мы сейчас крикнем, он подойдёт». Он кивнул, махнул рукой – мол идите. Сказал, чтоб мы немцу ничего не говорили. Мы перешли... Так я один раз нашего разведчика видела.

Что ещё? Помню, как перед самым отступлением немцы собрали с той части города молодёжь и пустили их впереди себя лес разминировать. Тогда несколько школьников подорвались. Возле их школы сейчас памятник стоит, там надпись..., вот не помню точно, я вам потом скажу. Одна из участниц, Тамара, сейчас в Горловке живёт, я с ней знакома...

Нас освободили третьего сентября. А перед этим нас выгнали из города: хотели посадить в эшелоны и вывезти в Германию. Мы с соседями договорились, что будем держаться вместе и попробуем отстать. Собрали вещи. А гонят нас полицейские на лошадях. Убежать было нельзя, а вот отстать – можно. Мы начали копошиться. Немец нам: «Скорее!». Мы: «Сейчас, сейчас». И через некоторое время опять отстаём. Подъезжает немец. Мы – ему: «Да вот колесо падает». Мы же все с тачанками. И вроде как пакуем там что-то. Остановились в третий раз. Подъезжает полицейский, не из тех, что раньше. Посмотрел на нас и говорит: «Вот сейчас будет подъём вверх, а потом спуск. Вы отставайте, и я вас не увижу, когда мы вниз пойдём. Бегите в посадку, спрячьтесь хорошо. Я махну рукой, когда можно будет бежать». Ему кто-то закричал, что там такое, он ответил, что всё в порядке. Разные были немцы. Вот этот – всё понял. Те двое не понимали. А этот – видите. Поехали мы. А как только он махнул рукой – мы как шуранули [67]. Спрятались. Ночь лежим. Вторую. Затаились. И увидели – немцы взрывают город. Всё летит в воздух... Мы всё, что было с собой, поели. Бабушка говорит: «Я самая старшая, я пойду на разведку». Пошла она в город. Приходит: «Дома пустые, тишина, нет никого». Мы пошли обратно. Только до оврага добрались – началась стрельба. Мы кое-как перебрались, за дома спрятались. Пошли

дальше. А мама говорит: «Я боюсь идти домой» – улица прифронтовая была, мы расположились у родственников во дворе. Нигде никого. Слышим цокот копыт. Я вылезла, смотрю – наша форма. Он спрашивает: «Немцы есть?», я отвечаю: «Нет». Тогда он свистнул, и пошли пешие солдаты. А я бросилась к ним, плачу: «Я знала, что вы придёте». И плачу... А один мне говорит: «Ну что ты плачешь, белая?». А я же чёрная была. Я засмеялась: «Я не белая!». Вот как он меня успокоил... Так я встретила освобождение.

Школа была разбита. При оккупации только 1-2 классы учились, а так школы не работали. И мы школу строили своими силами. Директор организовывал, он инвалид был, историк. Рабочие пришли помогать – и мы. Таскали песок, цемент, из разрушенных зданий выбивали кирпичи... Железную дорогу отстраивали в первую очередь, и мы бегали, просили, что нужно было. Школьникам обязательно давали. От школы уцелели только три части, их мы отстраивали. В большей уроки проходили, меньшая часть была учительской и бухгалтерией, а в пристройке учились мы... Все окна закладывали кирпичом, стены... Рабочие кирпич клали, а мы подавали. Чего только не делали! И смолу варили, ребята козлы сбивали и обтёсывали рубанком. В каждом классе поставили круглые печи до потолка. Учёбу начали только 1 декабря, но с 1 по 10 всё равно были каникулы. Несмотря на то, что война была, занимались, как положено. Восстановили только кончики здания, чтобы можно было нормально заниматься. За то, что мы работали на восстановлении, нам давали паёк – пол-литра растительного масла, 1 кг муки, крупы, сахар; когда работали, ещё куски хлеба выдавали. И когда стали учиться, хлеб давали. Мы сами резали. А однажды пришла нам гуманитарная помощь от американцев – одежда, обувь. Директор пошёл. Ведь как мы ходили – это кошмар. У меня калоши постоянно протекали, и директор об этом знал. И нашёл мне обувь – мальчуковые ботинки, для девочек не было, и платье мне принёс. И я в этих ботинках проходила всю школу и в них же

– весь первый курс. Беспокоились о нас, видите. Трудно ведь было. Война. А нас кормили. Хотя фронту [68] нужно было всё [69]. Марина Андреевна говорила, что им каждый день похлёбку давали, каждый день миску. Нам – хлеб.

Шестой класс я закончила с тремя четвёрками [70]. Мне было так стыдно – я же отличницей [71] была. Стыдно было, когда учителя говорили: «Помните...», – и все руки тянут – а я не помню. Вот седьмой класс я уже закончила с похвальной грамотой [72]. Потом я уже отличницей не была из-за математики. Я перешла в другую школу – та была семилетняя – а там математику преподавал директор. Ну, директор – это ясно, ему всегда некогда, он спешил, а примеры сложные начались. Да и я – не математик. Мы так плохо знали математику, что начали дети из этой школы уходить. Об этом узнала жена директора, она тоже математик в вечерней школе [73] читала, и вот в десятом классе она нам математику преподавала за 8, 9, 10 классы. И в аттестате у меня по математике «4», и это хорошо, что не «3». А похвальные листы я до сих пор храню. На них на одной стороне – Ленин [74], на другой – Сталин [75].

А в седьмом классе у нас уже любовь началась. Мы ведь уже взрослые были, переростки, уже симпатизировали друг другу. И так – идём по улице вдвоём, видим – директор, и разбежимся, и идём по разным сторонам улице. Директор пройдёт – будто он ничего не понимает. А я уже тогда в комсомол [76] вступила. У меня даже комсомольский билет [77] сохранился. Ведь когда в партию вступаешь – комсомольский билет сдавался в архив. А я попросила – и мне его оставили. Там фотография – я в пионерском галстуке [78], и с белой ленточкой – что нашла у бабушки.

Ой, так мы пережили войну. Что я хочу сказать. Немцы – они, конечно, оккупанты, враги, но немцы были разные. Вот венгры [79] – это не дай Бог. Эти такие жестокие, невероятно жестокие, изуверы. Хуже немцев. Били, избивали без причины. Немцы – те были противные, да, и пистолет у них, и нагайка, но не позволят себе, чтоб

просто так ударить ни за что... (*задумалась*) ну, так, иногда. Но были немцы... (*ищет подходящее слово*) хорошие. Вот я вам рассказала, как один нам помог. Ещё один был – всё на губной гармошке наигрывал. Он меня спрятал. Нас окопы рыть выгнали [80], а я голодная была, слабая, работать не могла – он и не заставлял. А когда пришли немцы здоровых молодых отбирать на работы в Германию [81] – он меня в окопах спрятал. А другой немец хотел меня убить. За то, что я языкатая была. Он у соседей жил и к нам заходил. Раз увидел он у меня учебник немецкого языка. Он усмехнулся, полистал. А там текст, начинается со слов «Да здравствует товарищ Сталин, вождь трудового народа» [82]. Он и говорит с насмешкой: «Сталин капут». А ему – «Гитлер капут» [83], он опять – «Сталин капут», я всё равно – «Гитлер капут». Он уже встал, раздражённо, громко: «Сталин капут», а я отвечаю – «Гитлер капут». Он тогда вынимает пистолет, не знаю, напугать меня хотел или застрелить, но тут вбежала мама – а она стирала в коридоре – кинулась к нему, закрывая меня: «Она маленькая, она дура». А я такая всю жизнь. Может папа меня так воспитал. Папа погиб при обороне Киева [84] ... Он так меня учил: надо всегда дать сдачи. Я как-то ему говорю: «Меня Коля ударил», а он: «Дай сдачи». А я не поняла, что папа сказал. И говорю: «Я не поняла». Он: «Я тебе сказал – дай сдачи». Я хожу думаю: «Как это дать сдачи, он мне ведь денег не давал». А потом я поняла: «Я же тоже должна его ударить». А папа: «Умей себя защитить, не жалуйся, но и первая никогда не начинай. Никогда не опускай голову, защищай себя». Папа ещё так говорил: «Будь гордой и если спросят, кто ты, отвечай – молдаванка». И когда в попаснянской школе спросили – я громко сказала: «Молдаванка» (*с гордостью*). Там же полно молдаван, но они все записались украинцами [85]. А мы все молдаване, у меня все в роду. И мальчик в школе назвал меня «волошка» [86], а я гордо и громко – «хохол» [87]. И никто меня после этого не дразнил, все поняли мой характер. А почему я должна скрывать, что я

молдаванка – я никогда не скрывала. Меня все хлопцы [88] и полюбили за характер. Попробуй меня тронь! Я в 10 классе в последний раз мальчика ударила за то, что он про меня сказал гадость. Я вообще всегда с мужчинами как-то больше дружу, нахожу общий язык. У меня, конечно, и подруги есть. Но с мужчинами всё как-то лучше складывается. В Сенегале [89] моряки всегда приходили ко мне, всё рассказывали, я им советовала, и посольские работники приходили. К моей приятельнице – так то выпить [90] и закусить. Но я и там была, а что ж. Но я им никогда не готовила. Мне все: «Как, ты не умеешь готовить?», а я: «А я живу с мамой». И так все поверили, что я не умею готовить. Так что ко мне – на чай, а борщи [91] там – это к Гале. Галя меня спрашивала: «Может купить что-нибудь выпить». А пили мы там и джин [92], и виски [93] – всё со льдом [94], так удобно было мужчин обманывать. Я ей отвечаю: «Захотят – принесут». И все знали, что у нас выпивки нет.

Как я стала преподавателем? Десять классов [95] я окончила в Попасной. Меня спрашивали, кем я хочу быть. Я отвечала: «Преподавателем». Только тогда я ещё не решила, что выбрать – русский язык, иностранный язык или историю. Я лучшие сочинения писала. Но всё-таки больше нравился иностранный язык... Но я хотела быть артисткой! Я везде и пела, и танцевала, и стихи рассказывала, и на сцене играла! Все призы получала. Я не боялась. Танцевала я очень легко, замечательно. И пела, хотя слух у меня абсолютный, а голос слабый, камерный. Но я всегда и на сцену петь выходила. В Сенегале я детям часто пела русские песни, а у них, негров [96], слух непревзойдённый – так они меня спрашивали: «Madame, pourquoi n'etes-vous pas artiste?» [97]. Папа меня брал на все концерты, когда в Киеве жили. Мама с маленькими братьями сидела, а папу одного не хотела отпускать. Я папе сказала, что хочу быть артисткой, а он: «Ни за что!».

Я: «А если буду?». «Я от тебя откажусь». Но теперь папы нет, и мне никто не запретит. А в десятом классе к нам пришёл

новый мальчик, и тоже оказался артист... С ходу стихи писал, все сочинения в стихах писал – на заданную тему, на свободную тему. Он поставил с классом «Назар Стодоля» [98], там и пел, и танцевал. Работы свои он посылал в Москву на киностудию, и ему ответили: «Закончите школу – приезжайте». Он мне говорил: «Таня, в свой первый фильм я тебя возьму на главную роль. Я тебя найду, где бы ты ни была»... И он утонул. Мы ездили на речку в Камышеваху [99], там такие поляны красивые, в незабудках – вот у меня любовь к незабудкам. А у него одна нога была короче другой, он болел полиомиелитом [100], и он не умел плавать. Я тоже не умела плавать, мы вместе сидели на берегу, пока остальные купались. А тут я не могла поехать. Одноклассники как обычно пошли купаться, и он решил зайти в воду, чуть-чуть. А дно скользкое было – он поскользнулся, зацепился за корягу и захлебнулся... Его родители потом не смогли жить, уехали. Веня его звали, Вениамин Мейеров.

И это для меня был «второй звонок». Первый – папа не захотел, чтоб я была артисткой. Второй – мальчик утонул. Я решила, что третьего не надо – значит, не суждено мне стать артисткой. И решила быть преподавателем. преподаватель – тот же артист, он всё равно что на сцене перед аудиторией. Я выбрала иностранный язык. Но какой выбрать? В школе я учила немецкий, хорошо знала. Но тут к подруге брат приехал, военный переводчик, всю Европу прошёл, на всех европейских языках читать умел, на пяти или шести свободно разговаривал. Мы его попросили почитать на всех языках. И когда я услышала французский, сказала: «Я выбрала», и подруга – «И я с тобой».

Поступала я в 1948 г. Медали [101] у меня не было, я уже говорила, из-за математики. Но наш директор и не давал медали. За год до меня выпускался Гена – настолько умный был(!) – тоже без медали. Он потом приезжал и всегда подшучивал: «Вот я поступил в Ленинградский кораблестроительный [102], а вы мне медаль не дали». Его в Институте потом оставили, он

и в Адмиралтействе работал. И я – поступала в Харьковский Государственный Педагогический Институт Иностранных языков им. Н. К. Крупской [103]. В 1957 г. его присоединили к университету, тогда объединяли, если есть университет и пединститут, ведь раньше в университетах не было факультетов иностранных языков, это были специальные ВУЗы... Поступала я легко, как в сказке. А тогда много фронтовиков поступало, все они шли вне конкурса [104]. Чтобы поступить, нужно было все пять экзаменов на «пять» сдать [105]. Проходной балл был 35, 34 – нет. И мы всё сдали на пять... А мама ещё не хотела, чтоб я поступала – хотела, чтоб я шла работать. Меня отстоял начальник городского военкомата. Он меня хорошо знал: нас, у кого почерк был красивый, всегда посылали в мае в военкомат, документы писать, когда призыв. Смешно было – парни же раздевались, а мы прятали глаза, вот так писали (*показывает*). И начальник сказал матери: «Она – дочь погибшего офицера, она должна учиться». И мама отступила.

Примітки

1. *Характерна для радянського метанарратива риторика «шляху»* – від суспільства класової боротьби до безкласового, від капіталізму до комунізму, від сучасності до «світлого майбутнього». Метанарратив також підкреслював пріоритет СРСР на цьому шляху.

2. *Дивчина* (укр.) – де вушка.

3. Вірогідно, відхід від поняття «селянин», тобто від асоціацій з дореволюційним селянством. «Сільський трудівник», «трудівник села» – семіотичний аналог «пролетаря».

4. В СРСР існувала з 1925 р загальний військовий обов'язок, заклик – залучення громадян до виконання військового обов'язку, встановленої законом. У СРСР чоловіки призивалися щороку на 2 роки (в авіацію і флот – на 3).

5. У радянській армії – рядовий, що залишився після завершення обов'язкової військової служби в армії.

6. Воїнське звання сержантського (до 1943 – мол. командного) складу у Збройних силах СРСР від 22 вересня; безпосередній начальник сержантів та солдат роти.

7. Місто в УРСР (тепер – Україна), обласний центр, в 1918 – 1934 рр. – столиця УРСР.

8. Допоміжні військові формування, забезпечені автомобільним транспортом.

9. Будівля для розміщення особового складу воїнської частини.

10. **Одеса** – мсто і порт, обласний центр на півдні СРСР, на Чорноморському узбережжі. Зважаючи на строкатий національний склад (євреї, представники балканських та середземних морських народів, українці, росіяни) одесити мають особливий діалект і особливу культуру.

11. 1934 р.

12. Столиця УРСР 1934 – 1991 рр., столиця України з 1991 р.

13. Намет з тканини і кріплень, призначений для тимчасового проживання в польових умовах.

14. Безфітільний нагрівальний прилад, що працює на рідкому паливі. Винайдений в 1892 р., в СРСР широко випускався з 1922 р. заводом м. Кольчугіно Володимирської області у зв'язку з потребами урбанізації, і тому став невід'ємним атрибутом радянського житла до газифікації (до кінця 50-х рр.).

15. Повстання робітників зводу «Арсенал» під керівництвом більшовиків та есерів у Києві в 16 – 22 січня 1918 р. проти Української Центральної ради. Зазнало поразки.

16. На теперішній час – велике державне підприємство оптичної та оптико-електронної промисловості України. Засноване в 1764 р. як «арсенальні майстерні», для виготовлення і ремонту різного виду озброєння, в т.ч. артилерії, з 1917 р. також виготовляє цивільну продукцію (інструменти, сільськогосподарський реманент). З 1946 р підприємство було перебудовано на випуск оптичних, оптико-механічних та оптико-електронних приладів військового і цивільного призначення (системи орієнтування, прилади

прицілювання, самонаведення, вимірювання, спостереження, аналізу і фотографування).

17. **Юридична особа** – особа, яка знаходиться на тимчасовому або постійному забезпеченні з боку інших осіб; в радянській культурі – непрацююча людина, що знаходиться «на утриманні» у своєї сім'ї і держави, тому вираз часто набував негативного змісту внаслідок культу праці в радянському суспільстві. Причому в даному дискурсі в термін «праця» не включалася робота по дому і, часто, інтелектуальна робота, тому утриманцями, крім непрацевдатних, вважалися домогосподарки (декларувалася необхідність офіційного працевлаштування для жінок), учні (вводилися різні форми поєднання навчання і роботи), часто – представники інтелігенції (як утриманці держави). Вираз увійшов у побут через поширення з 1918 р. в містах т.зв. робітників і утриманських продуктових карток.

18. Державне продуктове постачання осіб певних категорій (військові, партійні працівники і т.д.) нормованою кількістю продуктів.

19. Мається на увазі факт голодомору у селах СРСР у роки проведення колективізації (1932 – 33 рр.).

20. Докір на адресу сучасної української влади і ЗМІ, що, на думку респондентки, дискредитували радянську історію.

21. Інфекційно-алергічне захворювання з інфекційно-алергічним заболіванням с ураженням сполучної тканини, гол. чином суглобів і серцево-судинної системи.

22. Денатурований спирт, етиловий спирт-сирець, містив ший денатурирований спирт, етиловий спирт-сырец, содержащий добавки барвника і спеціальних речовин, що додають йому неприємні запах і смак. У примусах використовувався в якості пального.

23. Міжнародне свято молоді, що брала участь у соціалістичному русі. Проводився щорічно з 1915 по 1945 рр. Встановлено рішенням Бернської міжнародної конференції соціалістичної молоді (1915 р.),

проводився у вересні. У 1945 р. його змінив Всесвітній день молоді (10.11).

24. У 1920 – 30 рр. з'явилася традиція давати дітям імена, що являли собою абрєвіатури або скорочення видатних радянських діячів, подій і т.д. Це було пов'язано з прагненням певних категорій населення відмовитися від дореволюційних традицій, зокрема найменування дітей за церковним календарем (РПЦ і релігійність взагалі піддавалися тоді осуду і гонінням з боку держави). Таким чином з'явилися імена Владлен (Володимир Ленін), Марлен (Маркс-Ленін, або марксизм-ленінізм), Лагшмівар (Табір Шмідта в Арктиці) і т.д.

25. Газети, які пропагували радянську офіційну ідеологію. Офіцерський склад зобов'язаний був знати їх риторику й зміст, адже при військових частинах крім військових командирів були «політичні керівники» – комісари, помполіта, помічники командирів, були членами ВКП (б), політруки, які відповідали за ідеологічне виховання, політичну освіту і політичний нагляд.

26. До середини 1950-х рр. в СРСР отримувати середню освіту починали з 8 років.

27. Велика Вітчизняна війна (22.06.1941 – 9.05.1945).

28. Після ліквідації польської державності за пактом Молотова-Ріббентропа у вересні 1939 р., на заході УРСР межувала з Німеччиною.

29. Вірогідно, після геополітичних змін в Європі в 1938 – напочатку 1939 рр. радянська влада розглядала можливість війни з Німеччиною і здійснювала навчання у найближчих до західної межі воєнних округах, в тому числі київському.

30. Виховально-оздоровчі заклади в СРСР для піонерів і школярів (7 – 15 років), що займали важливе місце в ідеологічній роботі.

31. К/ф «Стиляги», реж. В. Тодоровський, 2008 р. Демонструє антагонізм офіційної радянської культури і субкультури «стиляг» в середині 1950-х рр.

32. Мається на увазі сюжет фільму «Стиляги».

33. Американський бальний танок, розмір 4/4.

34. Польський народний, потім бальний танок, розмір 2/4.

35. Чеський народний танок, потім бальний танок, розмір 2/4.

36. К/ф «Большая перемена».

37. Мається на увазі сучасний антирадянський дискурс.

38. Тетяна Опанасівна була деканом факультету французької мови. ГДПШМ.

39. Комітет державної безпеки.

40. КПРС.

41. Мається на увазі офіційне засудження «антипартійної групи Молотова, Маленкова, Кагановича і приєдналася до них Шепілова», пов'язане з виступом ряду членів Президії ЦК на чолі з В.М. Молотовим, Г.М. Маленковим, Л. М. Кагановичем з критикою М. С. Хрущова і спробою змістити його з посади Першого секретаря ЦК; однак на Пленумі ЦК противники М. С. Хрущова зазнали поразки, внаслідок чого були зняті з вищих партійних і державних постів.

42. Натяк на представників КДБ.

43. Радянські державні та партійні діячі, члени Політбюро, ЦК КПРС. Молотов (Скрябін) Вячеслав Михайлович (1890 – 1986) – 1921-1930 рр. – секретар ЦК ВКП (б), 1930 – 1941 рр. – голова РНК СРСР, 1941 – 1957 рр. – 1-й заступник голови СНК (СМ) СРСР, одночасно 1941-45 – зам.пред. ГКО, 1939 – 1949 рр., 1953 – 56 – нарком (міністр) ін. справ СРСР.

44. *Хрущов Микита Сергійович* – 1953 – 1964 – 1-й секретар ЦК КПРС, одночасно 1958 – 1964 рр. – фактично голова радянської держави.

45. Хрущов офіційно засуджений Пленумом ЦК КПРС 14.10.1964 за «суб'єктивізм і волонтаризм» у політиці. У радянському дискурсі він засуджувався за неналежний радянському державному і партійному керівнику імідж і реформаторський запал.

46. Мається на увазі приналежність Молотова, Маленкова, Кагановича до сталінських державних діячів.

47. В СРСР не існувало вільного ринку квартир. Квартири надавалися за місцем роботи (служби).

48. Натяк, що ніхто з відправляємих ГДПІМ осіб не залишився за кордоном в якості політичного біженця («неповернення»).

49. В СРСР свободний виїзд громадян за кордон був унеможливлений.

50. Можливо, помилка: письменник Корнійчук і державний діяч Корнійчук – одне і те ж обличчя. Інформація про наявність у нього брата не знайдена. Корнійчук Олександр Євдокимович (1905 – 1972) – український радянський письменник і політичний діяч, академік АН СРСР (1943), лауреат п'яти Сталінських премій та Міжнародної Ленінської премії «За зміцнення миру між народами», 1938 – 41 рр., 1946 – 1953 – голова Спілки письменників Україна, 1944 – в.о. міністра закордонних справ УРСР, 1949 – 1972 рр. – член ЦК КПУ, 1952 – 1972 – член ЦК КПРС, 1953 – 54 – заступник голови Ради міністрів України, 1947 – 53 рр., 1959 – 72 – голова ВР УРСР.

51. «Почему вы не по-украински на вопросы отвечаете? Не владеете?» (укр.).

52. Місто в Донецькій області, Україна (УРСР).

53. До 1914 і з 1991 – Петербург (Санкт-Петербург), 1914-1924 – Петроград, 1924-1991 – Ленінград. Другий за значенням місто СРСР, столиця Російської імперії.

54. Вид вибухової артилерійського снаряда.

55. Вид Дома (палацу) культури – в СРСР – місце масової культурно-просвітницької роботи і дозвілля. З'явився з 1920 р.

56. Офіційне визнання факту нападу Німеччини на СРСР 22.06.1941.

57. Мається на увазі стрімке просування німецьких військ Україною в південно-східному напрямку влітку 1941 р. і знищення ними Південно-Західного фронту.

58. Штаб КВО, пізніше – Південно-Західного фронту.

59. До 1925 р. – Царіцин, з 1961 р. – Волгоград. Великий обласний центр і порт на р.Волга.

60. (укр. – Сватове) – місто районного значення у луганській області, Україна.

61. (укр. Попасна) – місто районного значення у луганській області, Україна. город районного значення в Луганской области, Украина, центр.

62. Товариний вагон з пічкою для перевезення людей.

63. Русько-японська війна 1904 – 1905 рр.

64. Мається на увазі зупинка наступу на Кавказ групи армій «Південь» радянським Південним фронтом під командуванням Черевченко Я.Т. в кінці листопада – напочатку грудня 1941 р. до наступного наступу, розпочатого 28 – 30 червня 1942 р., після чого з 7.07 Південний і Південно-Західний фронти пішли за Дон.

65. **Солончак** – тип ґрунту степової, напівпустельної, пустельної зони, містять водорозчинні солі.

66. Тут – зона бойових дій.

67. Швидко побігти (розм.).

68. Маються на увазі всі види Збройних сил СРСР.

69. Метанаратив: «Все для фронту. Все для перемоги».

70. В радянській середній школі була п'ятибальна система оцінювання («5» – «відмінно» – вищий бал, «1» – «погано» – нижчий).

71. В радянській середній школі – учень, який мав з усіх предметів оцінку «5».

72. **Похвальний лист (грамота)** – символічне заохочення відмінникам в школі.

73. **Вечірнє навчання** – в СРСР – форма підготовки фахівців без відриву від основного місця роботи, надавала повну середню, середнеспеціальне і вищу освіту. Обумовлена необхідністю освіти дорослих і працюючих людей в процесі радянської модернізації 1930-х і післявоєнного відновлення.

74. **Ленін Володимир Ілліч** (1870 – 1924) – лідер РСДРП (б), лідер і ідеолог радянської влади 1917 – 1924 (факт. 1922),

автор низки документів і робіт програмного та ідеологічного змісту.

75. **Сталін Йосип Віссаріонович** (1879? – 1953) – з 1922 р 1-й секретар ЦК КПРС, член Політбюро ЦК 1919 – 1952, з травня 1941 – голова РНК (СМ) СРСР, в роки ВВВ голова ГКО, нарком оборони, Верховний головнокомандувач, маршал (1943), генералісимум (1945), таким чином фактичний керівник СРСР з сер. 1920-х до 1953.

76. **Всесоюзний ленінський комуністичний союз молоді (ВЛКСМ, комсомол)** – громадська організація де-юре, партійно-державна організація де-факто. Існувала з 1918 по 1991.

77. Знак приналежності до ВЛКСМ, знак приналежності до офіційної культури / ідеології, до «прогресивної молоді», отримання його семиотично дорівнювало ініціалізації, тобто означало включення в т.зв «соціалістичне будівництво» – соціально-економічні та культурні процеси в СРСР, декларовані владою.

78. Символ приналежності до всесоюзної піонерської організації, червоний галстук.

79. Угорщина, якою з 1920 по 1944 рр. керував диктатор М. Хорті, входила в т.зв. «Фашистську» коаліцію держав-учасниць Другої світової війни, тобто в Антикомінтерновський пакт і Берлінський пакт, тому її війська брали участь в окупації СРСР Німеччиною.

80. Окупаційна влада використовувала населення СРСР для виконання різного роду робіт.

81. Молодих людей з окупованих німецькими військами областей СРСР вивозили до Німеччини – т.зв. «Остарбайтери» – на примусові безкоштовні або низькооплачувані роботи.

82. Типова фраза радянського метанарративу 1930 – сер.1950-х. Її семантика – Сталін як голова ВКП(б) очолює трудящих усього СРСР і всього світу.

83. Німецька фраза – «смерть Гітлеру!», що стала в роки ВВВ метанарративом епохи.

84. 11.07 – 19.09. 1941 рр.

85. В СРСР існувала практика запису в офіційних документах (паспорт, свідоцтво про народження) національної приналежності.

86. Волохи (влахи) – народна назва молдаван у східних слов'ян і у деяких балканських народів.

87. **Хохли** – народна назва українців.

88. Хлопці (укр.)

89. У Сенегалі Тетяна Опанасівна працювала викладачем російської мови для франкомовних дітей в ліцеї.

90. Алкогольні напої і їх вживання. Семантика часто залежить від інтонації (розм.).

91. Українське народна страва, м'ясний відвар з овочами (картопля, капуста, буряк, морква, цибуля) і томатами (свіжими або у вигляді соку).

92. **Джин** (англ. «gin») – міцний алкогольний напій, отриманий перегонкою спиртового настою ялівцевою ягоди.

93. Шотландський міцний алкогольний напій.

94. Традиційне споживання міцних алкогольних напоїв для англосаксонської культури.

95. В СРСР – 10 років навчання – повня середня освіта, що давала право претендувати на вищу.

96. В радянському дискурсі це слово не було образою.

97. «Мадам, чому ви не артистка» (фр.).

98. Історична драма Т.Г. Шевченка

99. Селище міського типу в Попаснянському районі Луганської області.

100. Гостре інфекційне ураження сірої речовини спинного мозку.

101. В СРСР за відмінне закінчення 10 класів давали золоту медаль.

102. В СРСР ленінградські та московські вищі вважалися найпрестижнішими. Ленінградський суднобудівний інститут (існ. з 1902 р.).

Додаткова інформація про респондента:

Прізвище, ім'я, по-батькові: Гончарова Тетяна Опанасівна.

Дата народження: 26.07. 1926.

Місце народження: Україна.

Професія: викладач французької мови та літератури.

Освіта: 1948–1952 – Харківський державний педагогічний інститут іноземних мов ім. Н.К. Крупської.

Місця роботи:

1952–2004 - викладач французької мови та літератури Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов ім. Н. К. Крупської.

1954–1978 – декан факультету французької мови.

Дегерменджи Нина Ивановна: «Это украинка, украинка!» И маму отпустили вот, не расстреляли...»

ОЛЬГА ПОПОВА

Дегерменджи Нина Іванівна, 1932 р.н., с.Бумажна Фабрика Харківської обл., Україна; вчитель російської мови та літератури, завідувач навчальною частиною в школі, пенсіонерка. Дата проведення: 18 січня 2010 р. Тема: «Мое життя».

Нина Ивановна: Родилась в самые страшные годы – 1932-м. Это год, ты знаешь что за год... Это голодоморы... Ну, что сказать, жизнь была сложная. Мама моя рассказывала, что я сидела на лежанке [1], замурзанная [2] вся в саже, почему в саже – потому что рядом с печкой, голодная. Голодная, но не настолько голодная, как бывало в последующие годы были. Сложные были в смысле – неурожай и прочее. У меня было два брата и я, папа, мама. Ну, пережили как-то все без осложнений, нормально, вот хотя я не легко все это пережить, и вот соседи, это родственники все – никто не умер, все остались живы-здоровы. Это Харьковская область, город Змиев [3], стоит на берегу Северского Донца [4], такой своеобразный город, провинциальный. Он стоит на кручах, которые заросли лесами смешанными, очень красивый такой. Северский Донец разлива-ется и, получается, вот кручи все усеяны деревьями, вот необыкновенной красоты, а это как озеро река. Ну, очень красивые мес-

та и слева и справа... В общем, росла на берегах Северского Донца, вот, дитя природы, прекрасно плавала, все было очень хорошо... А годы шли... А, 41-й год [5] ... Харьков, по-моему, дважды в Змиев входили, сдавали и возвращались... наши советские воска Ну, Соколово [6], это страшно, это даже кинофильм создан. Там бойня была не на жизнь, а на смерть, и... трудные годы были. Я запоминаю теперь, сложно мне все, вспомнить подробности, но мы жили в поселке Бумажная Фабрика. Это изготавливали папиросную сигаретную бумагу. Ну, тогда не было сигарет, сигар, папиросная бумага была. Тоже, своеобразный остров, который омывался со всех сторон водой (*пауза*). 41-й год, ну, я не помню точно, когда пришли немцы в наш поселок. Знаю, что маму окружили. Мама была очень интересная женщина У нее такие черные косы были (*показывает*), фотографию потом даже могу показать. Ну, и потом она была похожа на еврейку. И шла от у нас была колонка [7], ну, в общем, ко-